

благодаря инъекціямъ, у него будетъ три припадка; третій будетъ послѣднимъ; онъ умретъ въ четыре часа».

Далѣе описываются первые два припадка, предсказанные себѣ Паскалемъ; наконецъ наступилъ третій съ ошибкой на четверть часа:

«Его третій припадокъ начался въ четверть пятого. Этотъ послѣдній приступъ удушья вызвалъ на лицѣ Паскаля выраженіе невыносимаго страданія. Его мутный взглядъ искалъ часовъ, чтобы видѣть, который часъ. Онъ бормоталъ слова такъ тихо, что они похожи были на дыханіе:

— Четыре часа... Сердце засыпаетъ... Нѣтъ болѣе красной крови въ аортѣ... Заслонка (la valvule) слабѣетъ и... останавливается...

Страшный хрипъ прервалъ его, дыханіе остановилось...

Наконецъ, Паскаль скончался. Лицо его стало совершенно синимъ. Нѣсколько минутъ онъ лежалъ неподвижно. Потомъ вдругъ, точно усиливаясь вздохнуть, онъ вытянулъ губы и раскрылъ ротъ, какъ раскрываетъ клювъ бѣдная подстрѣленная птица, въ послѣдній разъ вбирая въ себя воздухъ. Это была смерть, самая простая смерть (Et ce fut la mort, très simple)».

Въ изложеніи болѣзни доктора Паскаля многое коробитъ читателя-врача: и леченіе мифическими впрыскиваніями его сердечныхъ припадковъ, и невѣрное изложеніе патологическаго состоянія его сердца, и «математически точное», чего въ дѣйствительности быть не можетъ, предсказаніе часа смерти, и заявленіе объ остановкѣ какого-то одинаго клапана. Все это претенціозно, неуклюже протокольно. У другого врача чтеніе медицинскихъ мѣстъ романа можетъ быть вызоветъ лишь усмѣшку; но у меня лично при чтеніи получилось прямо чувство раздраженія противъ автора, неумѣло, наивно берущагося не за свое дѣло. Не специалистъ, не врачъ, конечно, не замѣтитъ грубыхъ медицинскихъ недочетовъ въ изложеніи. Понравится ли ему протокольность, эти экскурсы въ область патологической анатоміи, въ область діагностики—это другое дѣло. Мнѣ лично кажется, что человѣку съ тонкимъ вкусомъ это не понравится вслѣдствіе своей антихудожественности. Развѣ будетъ художественно, если скульпторъ, вмѣсто изваянія изъ бронзы или мрамора, дастъ пестрый анатомическій муляжъ? Развѣ будетъ художественно, если живописецъ, вмѣсто потрясающей картины смерти, дастъ рисунокъ, хотя бы и красивый, но рисунокъ изъ анатомическаго атласа?!

Обратимся теперь къ принципиальному вопросу: какъ же